

Николай Хрипков

Библиотека или музей книг

16+

Николай Иванович Хрипков

Библиотека, или Музей книг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62239933

SelfPub; 2020

Аннотация

О настоящем и будущем библиотек. Смогут ли выжить книги в наш информационный век, не вытеснят ли их электронные средства, интернет. Размышления на эту тему.

По следам Одиссея, или Не ходили б, дети, вы в Аид гулять

По следам Одиссея, или Не ходили б, дети, вы в Аид гулять

ПОВЕСТЬ

Вступление

ОДИССЕЙ – в греческой мифологии царь Итаки, участник осады Трои, главный герой "Одиссеи". Славился умом, хитростью, изворотливостью и отвагой.

Он был сын Лаэрта, муж Пенелопы и отец Телемаха; принял участие в Троянской войне лишь после долгих просьб Агамемнона. Троя была взята благодаря хитрости и предприимчивости Одиссея, при помощи деревянного коня. После разрушения Трои Одиссей отправился на родину, но в течение двадцати лет не мог добраться до Итаки. В это время он пережил целый ряд приключений, подробно описанных в "Одиссее" Гомера. Он посетил Цирцею, Полифема, Лотофагов, Калипсо, Алкиноя и т. д. и испытал множество опасностей (Сцилла, Сирены), спасался от кораблекрушения и наконец прибыл на родину на корабле, полученном от Алкиноя. На Итаку он явился под видом нищего, был принят своим старым свинопасом и открылся сыну своему Телемаху, с которым решил отомстить многочисленным женихам своей верной жены Пенелопы. Проникнув с трудом в свой дом,

Одиссей принимает участие в состязании женихов в стрельбе из лука и убивает их всех. Затем он открывается Пенелопе и отцу своему Лаэрту. По последующим сказаниям, сын Одиссея от Цирцеи, Телегой, отправился искать отца, был прибит бурей к Итаке и стал грабежом добывать себе пищу. Одиссей и Телемах схватили его, но он пронзил отца своего копьем, не зная, кого он убивает. Телегон женился на Пенелопе и имел от нее сына Итала.

По некоторым вариантам мифа, Одиссей – сын *Сисифа*, который соблазнил Антиклею ещё до её брака с Лаэртом.. Более того, отец Антиклеи Автолик – «великий клятвопреступник и вор» был сыном Гермеса и помогал ему во всех хитростях; отсюда наследственные, идущие от Гермеса, ум, практицизм, ловкость Одиссея.

Включение Одиссея в число вождей Троянской войны приводит к формированию представлений о воинских подвигах Одиссея, о решающей его роли во взятии Трои и к героизированию фольклорного хитреца как «разрушителя городов». Одиссей – самая яркая фигура именно ионийской ступени эпоса. По сравнению с героями более ранних мифологических напластований, такими, как *Диомед*, *Аякс* Теламонид или даже *Ахилл*, явная новизна Одиссея, побеждающего не только оружием, но словом и умом. Приводя к покорности воинов, соблазнённых Терситом, Одиссей не только бьёт и выставляет на посмешище Терсита, но и произносит вдохновенную речь, возбуждая боевой пыл войск.

Одиссей – «славен копьём», «велик душой» и «сердцем». В стрельбе из лука его превосходил только *Филоктет*. Подчёркивается его «безупречность». Однако он сам признаётся царю Алкиною, что славен хитрыми измышлениями среди людей. Афина подтверждает, что в хитростях, измышлениях и коварстве с Одиссеем трудно состязаться даже богу. В ионийском цикле на первый план выдвигается умный герой; эпитет Одиссей «многоумный» включает всю гамму переходов от элементарной хитрости к выработке сложнейших интеллектуальных построений.

Там вам не здесь

Ревущий поток стремительно катился в бездну. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы отказаться от нашего безумного плана и вернуться назад в уютные квартиры. Наверно, не у меня одного возникло сомнение в том, правильно ли мы поступили.

– Становится жарковато! – озабоченно проговорил Басилевс, почему-то потевший больше, чем мы с Ленкой. Одежду хоть выжимай! – В Африке и то, наверно, холодней!

Вообще-то никакой он ни Басилевс, а самый банальный Васька. Но еще в пятом классе, когда мы изучали Древнюю Грецию он с удивлением, узнал, что его имя древнегреческое и звучит как Басилевс, то есть царь. После чего стал требовать от всех, чтобы его называли исконным именем. Конечно, ничего он не добился. Только свои тетради он подписывал отныне этим именем.

– А что-то у нас примолкла медновласая Елена, которая даже во сне не закрывает рта? – пошутил я. И тут же понял, что пошутил неудачно. – В смысле, тихонько посапывает.

Леночка была в коротеньких шортиках и футболке. У нее были изумительно стройные ножки, поэтому мне нравилось идти следом за нею. Это придавало мне силы. Но коварный Васька, кажется, раскусил мою уловку и теперь всякий раз старался занять мое место после Леночки. Он всегда старается, чтобы всё самое лучшее доставалось ему.

Ничего не поделаешь! Мне пришлось переместиться в авангард. Зато тот, кто идет впереди, должен быть командиром и требовать беспрекословного подчинения от других. А я командовал не люблю. Командирские обязанности требуют ответственности.

– Конечно, я знал, что нам придется встретиться с этим. Но никак не предполагал, что это имеет такие выразительные формы, – проговорил я, стараясь, чтобы моя речь выглядела красивой. – Кто еще из живущих на земле может похвастаться тем, что увидел такое!

То и дело приходилось вытирать пот. Вся одежда на мне и на моих друзьях была мокрой, как будто мы только что вышли из душа, причем принимали водную процедуру почему-то в одежде. Можно было бы сравнить это место с парилкой в бане. Но я бы не стал бы этого делать, потому что такое сравнение мало что говорит о том месте, где мы сейчас оказались. По крайней мере из парилки можно выскочить в

предбанник.

– Друг Аркадий! Не говори красиво! – воскликнул Васька, даже не подозревая, что много-много лет назад один из литературных героев уже произносил эту фразу. – Если Одиссей сумел пройти через это, даже не опалив своей бороды, почему же мы не сможем повторить его подвиг? Мы все-таки совершеннее его, не знаю, на сколько там тысяч лет! Более эрудированные, натренированные. И вообще мы гиганты по сравнению с древними.

– Хотя бы потому, что у Одиссея были могущественные покровители на Олимпе, а у нас их нет, – охладил я его пыл. – Поэтому они помогали ему и спасали его от гибели.

– О чем же ты думал, Аркаша, когда соблазнял нас на эту авантюру, если ты, конечно, способен думать? В чем я больше и больше сомневаюсь, – ехидно проговорил Васька. – Если мы все погибнем тут, ох тебе и достанется от нас! Так и знай!

Он опустился на гладкий камень, но тут же подскочил, как ошпаренный. И запрыгал.

– Блин! Я чуть не стал блином! Это же не камень, а раскаленная сковородка! – вопил он. – Чего же ты, Аркаша, не завел блат с Зевсом? На худой конец с Гермесом? Надо было получше подготовиться, прежде чем ввязаться в эту авантюру! Нет, Аркаша! Ты не только плохой товарищ, но еще и некомпетентный в этой области.

Одиссей на Троянской войне

Находясь среди многочисленных женихов царицы Елены, Одиссей предпочитает её двоюродную сестру Пенелопу – племянницу Тиндарея и берёт её в жёны. Одиссей должен принять участие в походе под Трою. Он притворяется безумным, но его избличает в притворстве Паламед, испытывав Одиссея на его любви к сыну. Под Трою Одиссей отправляется с 12 кораблями. В свою очередь, он помогает грекам установить местонахождение Ахилла и обнаружить его среди служанок Деидамии, дочери царя Ликомеда). Затем Одиссею поручается доставить в Авлиду обречённую на заклятие Артемиде Ифигению. По его же совету греки оставляют на острове Лемнос раненого Филоктета.

До начала военных действий Одиссей безуспешно пытается уладить дело миром. Во время осады города Одиссей коварным способом мстит Паламеду. В последний год войны Одиссей вместе с Диомедом берут в плен троянского разведчика Долона и совершают ночную вылазку против только что прибывшего на помощь троянцам фракийского царя Реса. После смерти Ахилла ему присуждаются доспехи погибшего героя. Захватив троянского прорицателя Гелена, Одиссей узнаёт от него, что одним из условий победы является обладание статуей Афины. Под видом нищего он проникает в осаждённый город и похищает палладий. Ему поручается доставить с острова Скирос Неоптолема.

2. Встреча с Хароном

– Дико извиняюсь, конечно! Но вы тут не меня ищите? А

то смотрю, тыкаетесь туда-сюда, как не родные. Вот решил поинтересоваться. Извиняюсь за назойливость! Но вы тоже поймите меня правильно! Я же не могу бросить вас в беде!

Раздался за нашими спинами громкий голос. Как же он сумел незаметно и неслышно приблизиться к нам? Это же не прима-балерина и не ласточка, чтобы передвигаться бесшумно. Мы вздрогнули и, как по команде, обернулись, будучи напуганными, потому что были уверены, что, кроме нас, здесь нет ни одной живой души. Леночка зажала обеими ладошками рот. И сделала она это, чтобы пощадить наши уши.

Перед нами стоял высокий старец с седой бородой и всклокоченными волосами. На ногах у него были ужасные деревянные сандалии с кожаными ремешками. Одежда была довольно странная: какая-то серая длинная рубаша, спускавшаяся чуть не до колен. По всему было видно, что о стирке ее хозяин давно забыл. Штанов же на нем не было. И вообще мне показалось, что на нем из всей одежды была только одна рубаша. Оказывается, бомжи встречаются не только в нашей жизни.

– Бомж! – проговорила Лена и презрительно скривила губы. – Я ничего не имею против них, но как-то не того.

Мне нравились ее губы. Губки! Не очень большие в форме сердечка, которое придавили снизу и сверху.

– Единственные штаны за фунфырик заложил. А брился в последний раз, наверно, лет семьдесят назад, когда нако-

нец-то закончил девять классов, на которые он потратил двенадцать лет.

Леночка фыркнула, всем своим видом показывая, как ей неприятно это соседство. Потом отступила на шаг назад. И стала смотреть куда-то в сторону, чтобы только не на этого типа.

– Денег у нас нет! – прорычал Васька. – У самих только на обратную дорогу осталось. Тютелька в тютельку. Так что извиняйте, дорогой товарищ! Ищите других спонсоров!

Он прижал ладонями карманы, как будто боялся, что бомж сейчас начнет обыскивать его. Интересно, а зачем он взял с собой деньги? Надеялся, что встретит здесь магазины?

– Вы что, ребята? – удивился старик. – Вы за кого меня принимаете? Я что-то не понимаю.

Мне стало смешно. Не понимаю, почему у моих товарищей он вызвал такое неприятие.

– Это же Харон. Учиться надо и на уроке слушать учителя, а не играть под партой в телефоне, – сказал я. – Леночка! Тебя, разумеется, это не касается. Ты же у нас отличница

– Как Харон? Это тот самый... Погоди! Погоди! Харон! Харон, который для похорон!

Начал вспоминать Васька. По его гладкому лбу прозмеилась тоненькая морщинка.

– Да! Я тот самый и есть, – сказал старик. – И нечего тут обзывать всякими словами! Незнакомыми, причем! Хотя я понял, что они оскорбляют мое достоинство!

Харон кивнул в сторону. Мы поглядели. Зрелище неутешительное. И даже устрашающее.

– Через эту реку только я смогу перевезти вас, если вы, конечно, не передумали, поскольку обратной дороги уже не будет. Назад мне строжайшим образом запрещено!

Мы тоскливо глядели на огненную лаву, катившуюся в десятке метров от нас. Разве можно через это переправиться, не превратившись при этом в хорошо прожаренные шашлыки? Настроение у всех было окончательно испорчено. Кажется, мы вляпались в что-то нехорошее.

– Мне совершенно расхотелось пройти по следам Одиссея, – сказала Леночка. – Я ничего не имею против того, что его героический поступок никем больше не будет повторен. Зачем нам лишать его ореола героя. Если все будут делать тоже, что и он, то это уже не будет героизмом.

– Одиссей целым и невредимым вернулся после путешествия по подземному царству. Вернемся и мы! – бодро воскликнул я. – В лодку, друзья! То есть в ладью! И пусть все боги Олимпа будут на нашей стороне! Удача любит смелых! Фортуна на нашей стороне!

Харон, как пушинку закинул огромное весло на плечо, и шаркая деревянными подошвами зашагал к берегу, где на красных волнах покачивались его ладья. Кнехтом для бронзовой цепи служил высокий камень. Харон наклонился и стал развязывать веревку.

Как бараны, понуриив головы, мы послушно поплелись за

ним. Лодчонка была так себе. А что вы хотите от корыта, которому не одна тысяча лет? Неужели на этом еще можно куда-то переправляться? Давно нужно было сдать в Эрмитаж и обзавестись чем-нибудь поновой.

– Явный перегруз! – авторитетно заявил Васька. – Как ни горько это, но мне придется пожертвовать собой и остаться на этом берегу. Но не беспокойтесь! Я буду хранить о вас светлую память. Изредка вспоминать о вас и ронять скупую мужскую слезу.

– Не знаю, как это назвать, но язык у меня не поворачивается назвать это лодкой, – брезгливо произнесла Леночка. – В конце концов, хозяин мог бы давным-давно приобрести что-нибудь попримочнее. Или у вас тоже тут кризис и санкции. Как скучен этот мир!

– Да! На том берегу кто-то полакомится жареным мясом, – произнес я. – Вдоволь!

– Где это ты увидел мясо? – обиделась Леночка. – Еще хорошо, что про сальцо не упомянул. Какие-то у вас разговоры каннибальские, что дрожь берет. И так настроение испорчено!

Харон, не проронив ни слова, оттолкнул ладью от берега. Наша судьба была решена. Теперь мы были полностью во власти этого мрачного старца с гигантским веслом. Можно было броситься за борт, чтобы вплавь добраться до берега. Я опустил руку за борт и ойкнул. Однако жжется. После чего оглядел руку. Ожога не было. Ладья еще недалеко отошла

от берега, но почему-то никто из нас не решился вернуться назад. И даже речи не завел об этом. Хотя, может быть, и думали, как и я. Но думать и действовать – всё-таки разные вещи. Судьба уже помимо нашей воле влекла нас в подземное царство.

Васька повернулся к Харону, долго рассматривал его, кривя лицо, а потом спросил:

– Э... уважаемый! А рыба какая-нибудь в этой реке... ой! Как она называется запомнил... Ведь только сейчас помнил! Что-то с памятью моей стало. Видно, такое здесь место.

– Стикс, – напомнил я. – Река, которая отделяет земной мир и подземное царство мертвых.

– Вот! Вот! Рыбка-то в вашей речке водится? Удивительный вопрос: почему я водовоз.

Старец улыбнулся, если это можно было назвать улыбкой. После чего у нас пропало всякое желание задавать ему вопросы, по крайней мере до той поры, пока мы не доберемся до берега. От всей его могучей фигуры веяло безысходностью. Кажется, мы влипли.

– Нас на берегу кто-то ждет, – проговорила Леночка, показывая рукой. – Он даже машет нам.

– Да! Какой-то мужик в белой простыне, – кивнул Васька. – Ну, я угораю! У него на голове венки, как у девки. Вышел из парной только что. Хотя в этой речке банный жар не остудишь. Сюда наоборот с веником надо залазить. Покруче всякой сауны будет. А что, Аркаша, в субботу навеемся

сюда в парную? Только венчик надо приготовить.

– Вергилий это, – сказал я. – Поэт. Древнеримский. Был в ссылке на побережье Черного моря.

– А ты его знаешь? – удивился Васька. – Что ж ты молчал? Ништяк у тебя корефаны!

– Да так! Шапочное знакомство. В смысле, кое-какие его стишки читал в библиотеке мировой литературы. В свое время пользовался огромной популярностью.

Может быть, поведать моим друзьям историю жизни этого замечательного римского поэта? Рассказать о взлете его славы, удивительных поэмах и последних драматических годах его жизни? О том, как он сопровождал другого великого поэта в странствиях по Аиду?

Но вряд ли их что-то интересовало в данный момент, кроме вечного вопроса жизни и смерти. Путешествие, так легкомысленное начатое нами, могло закончиться в любой момент. Если даже мы живыми и здоровыми доберемся до того берега, неизвестно, что там нас еще ждет.

– Мы не сгорели! Фу! Но изрядно попотели! Как будто разгрузил вагон угля. Хотя я никогда его не разгружал.

Васька, облегченно вздохнув, первым выпрыгнул на берег и потянулся, как после сна. Леночка достала косметичку (до этого не замечал у нее косметички) и стала припудривать покрасневший носик, потом поправила локоны, убрав несколько колечек за уши. Долго рассматривала себя в зеркальце, почему-то втянув нижнюю губу.

Такова женская натура! Даже в загробном мире они не забывают о своей внешности. И столкнувшись носом к носу с ужасным монстром, не забудет припудрить носик, чтобы понравиться ему. И конечно же, понравятся. Кто же устоит перед их чарами?

Подняв руку над головой, Вергилий поприветствовал нас. Так, наверно, приветствовали цезарей выходящие на арену амфитеатра гладиаторы: «Ave, caesar! Morituri te salutant!» Он поднимался в белоснежной тоге с красной каймой и махал им.

– Что это он сейчас сказал? – спросил Васька. – Что-то я не совсем дослышал его слова.

– Это он на латыни. Латинский язык – это язык древних римлян. А Вергилий – римлянин.

– Так переведи! А то ишь какой нашелся! Сам, значит, понимает, а на друзей ему наплевать.

Никакой латыни я, конечно, не знал. Но по ситуации было понятно. И тем более я боялся уронить себя в глазах Леночки.

– Вергилий сказал: «Здравствуйте, друзья! Добро пожаловать в царство мертвых!» Он проводник по Аиду. Однажды он провел по всем кругам другого великого поэта.

Но Васька не слушал меня. Да и на кой ему нужны великие поэты, вместе взятые? Повернувшись к реке, он заорал:

– Дед! Ты чего? Берега попутал? Фьють! Гребь назад! Я кому сказал? Глухой что ли?

Харон отплывал от берега. Он неторопливо орудовал длинным тяжелым веслом, опуская его то с одного борта, то с другого.

– А как-назад-то? – удивился Васька. – Я, конечно, отличный пловец. Но что-то в эту речку...

К нашему удивлению Вергилий заговорил по-русски без всякого акцента. Впрочем, круг его общения здесь очень широк. Так что я не удивился его знанию языка.

– Харон перевозит только на этот берег. На тот берег он всегда возвращается пустым.

– А назад как же? – закричал Васька. – Не знаю, как вы, а я на это не подписывался.

Вергилий пожал плечами и грустно улыбнулся. Такую улыбку называют тихой. И она означает сожаление.

– Во! Кажется, у нас уже начинаются проблемы, – прошептала Леночка, подкрашивая губки. – Умные люди избегают проблем, а дураки их находят на свою голову.

Если мы вернемся назад, я обязательно сделаю ей официальное предложение. До совершеннолетия нам остается ждать еще несколько лет, так что у Леночки будет время обдумать все pro и contra. Оказывается, я всё-таки недооценивал себя: латынь мне немножко знакома. Надо как-то поделиться этим открытием с Леночкой.

– Что же, друзья, – сказал Вергилий. – Начнем наше путешествие с самых низших кругов ада. И будем подниматься всё выше и выше, пока не дойдем до самой вершины.

Васька выставил ногу вперед и приложил руку к груди. Постояв так некоторое время, он кивнул.

– Кстати, Басилевс! А то они никак не могут привыкнуть к моему настоящему имени. Продолжают называть меня кошачьей кличкой. Но вы, как человек интеллигентный, надеюсь, не будете так делать. Басилевс, к вашему сведению, означает «царь».

Леночка презрительно фыркнула. Я был искренне рад, что ей не нравится Васькино бахвальство.

– Так вот... Сперва я хотел бы уточнить. Сможем ли мы после этой, так сказать, экскурсии вернуться в родные пеналы, в смысле домой? Вы, как интеллигентный человек, понимаете меня?

– Друзья! В царство Аида широко распахнуты двери, а вот назад – увы! – вы не найдете даже маленькой щелочке. Уж так устроено мироздание. И нам остается только смириться с этим. Вы должны были знать, на что идете, когда решили предпринять это путешествие.

– Уважаемый Вергилий! – сказал я. – Но ведь было исключение из этого правила. Одиссей, например. Или Данте, с которым вы уже непосредственно экскурсировали по кругам ада. Он без всяких проблем вернулся после этого в свою родную Италию и описал путешествие.

– Ну... Что я могу вам сказать на это? Аргумент, конечно, весомый и заслуживающий уважения. Ну...

– Каральки гну! – зло выкрикнул Васька. – Что ты ходишь

вокруг да около! На прямой вопрос надо прямо и отвечать! Так поступают настоящие мужчины. Или вы не имеете чести к ним принадлежать?

– Своими далекими предками они имеют богов Олимпа, поэтому для них было сделано исключение. Божественное вмешательство помогло им вернуться назад. Я же такими полномочиями не обладаю.

– Надо было и нам, прежде чем отправляться сюда, поинтересоваться нашими предками, – сказал я. – Может быть, и у нас тоже в предках числятся какие-нибудь боги. Ведь олимпийские боги, насколько нам известно из мифологии, имели многочисленное потомство на земле.

– Вперед, друзья! Оставьте страхи и опасения. Проблему надо решать, когда она возникнет.

Вергилий широко улыбнулся. На этот раз улыбка выражала радость. Его можно понять.

– Возьмемся за руки, друзья, чтоб побродить по преисподней! – перефразировал я слова известной песни. Хотя вряд ли оригинал знаком Вергилию, поэтому мой юмор он не оценит.

– Можно я вас здесь подожду? – спросил Васька. – Темницы рухнут. И свобода вас примет радостно у входа.

– Молодой человек! Поднимите голову! – сказал Вергилий. – Да! Да! Я к вам обращаюсь.

– Зачем это? – удивился Васька. – Чего мне нос задирать? Я скромный юноша. Даже застенчивый.

– Видите надпись над этой аркой? – показал Вергилий. – Да! Вот эту самую, на которую вы смотрите.

– Я как-то в английском несилён, – пробормотал Васька. – Да и зачем вообще всякие англиши.

– Вообще-то это на латыни. И написано здесь: «Оставь надежду всяк сюда входящий!» – торжественно продекламировал Вергилий. – Прощайтесь со всякими иллюзиями!

– Вы не оставляете нам выбора! – буркнул Васька. – У меня условие! Возьму за руку Леночку. Рядом с ней как-то приятней пребывать в преисподней. И я смогу ее защитить.

Мы взялись за руки и шагнули. Васька держал Леночку. Я – Вергилия. Или наоборот.

– Ёксель-моксель! – успел воскликнуть Васька. Но без всякого восхищения. – Ничего себе!

Леночка завизжала. Мы полетели в пропасть. Но Вергилий же знает, что делает. Значит, так надо!

Если вы когда-нибудь прыгали с парашютом, вы поймете наши ощущения. Хотя честно, никто из нас с парашютом не прыгал, включая и нашего проводника. Но это неважно. Одно лишь утешало, что мы летели в кромешной тьме и не видели, что нас ожидает внизу, куда нам предстояло приземлиться, а может быть, разбиться. Всё-таки парашютов у нас не было. Незнание дарит всегда хоть какую-нибудь надежду, наш компас земной. Да и опять же Вергилий с нами. Уж он точно не один раз проделывал это.

– Что-то прохладно становится! – прошипел Васька. – Я

бы даже сказал, что холодно. Не! Ну, мы так не договаривались, если что. Это уже беспредел! У меня зуб на зуб не попадает!

Действительно, становилось всё холодней и холодней, а на нас не было ни тулупов, ни другой теплой одежды. Откуда мы могли знать, что в аду может быть адский холод. Как говорится, если бы знал, то соломки бы постелил. Меня била дрожь.

– Я всегда предполагал, что в аду адская жара, – пробормотал я, выбивая дробь зубами. – О! сколько нам открытий страшных... Готовит этот наш побег! Что-то он мне не нравится!

– И адская жара будет, – успокоил Вергилий. – Но всё начинается с адского холода. Придется немного потерпеть. Тем более, что это не смертельно, уверяю вас! Ну, честное слово! Тем более вы из России, которую в мои времена называли Скифией.

– Дяденька! Мы на это не подписывались! Нам такой холодрыги и даром не нужно! Вы что решили приготовить из нас свежемороженых человечков с последующим употреблением?

Это уже Васька. У него не зубная дробь, а настоящий зубной грохот. Настоящий ударник! Причем это было не хаотическое стучание, а всё складывалось в какую-то мелодию.

– Я лучше соглашусь поджариться на сковородке, чем превратиться в ледяной столб. Всё-таки жара холода посла-

ще будет. Можно хоть веерочком обмахнуться. Не надо холода! Мы против холода! Мы не хотим холода! Мы ненавидим холод! Долой холод!

– А вы бы, мальчики, не могли, как настоящие джентльмены, накинуть на хрупкие девичьи плечи свои пиджачки? Хотя я сомневаюсь, что стоит ожидать встречу с джентльменами в аду. – проворковала Леночка, прислонясь то ко мне, то к Ваське. – Но, как уже тут говорилось, надежда умирает последней. Так, благородные рыцари?

– Если бы у меня сейчас был пиджак, я бы поступил как настоящий неджентльмен, – ответил Васька, будучи уверенным, что он изрек нечто сверхделикатное. – А на счет рыцарей, я не согласен. Какие мы рыцари, если у нас нет оружия.

Наше падение резко замедлилось. Это меня насторожило. Неужели скоро посадка? Посадки, как известно, бывают мягкие и жесткие. Хотелось бы избежать последней.

– Друзья! Сейчас у нас будет кратковременная остановка., – прозвучал близкий голос Вергилия. – Но путешествие на этом не заканчивается. Оно еще толком и не началось.

Небольшой толчок и под нашими ногами твердь. Ну, хоть что-то! Нас по-прежнему окружала кромешная тьма. Что это за место, оставалось только догадываться. Я крутил головой, но ничего вокруг не видел, кроме темноты. Это не очень хорошо! В темноте могут таиться всякие ужасы и монстры. Или воплощенные сны.

– Как хорошо! Ну, просто прелестно! Не понимаю этих

парашютистов, у которых лишь воздух под ногами. Я бы никогда в жизни не стала прыгать с самолета. Даже с самого маленького самолетика.

Это уже Леночка. Если Леночка считает, что это хорошо, то мне остается лишь согласиться. И по поводу парашютистов я тоже с ней согласен. Хотя сначала надо попробовать, а потом уже судить.

На своих плечах я ощутил тяжесть. И вскоре всё мое тело блаженствовало в тепле. Это был овчинный тулуп. Такие показывают в фильмах про далекую старину. Наши предки знали, как спасти себя в аду. Поэтому всего лишь за полвека они смогли пройти от Урала до Тихого океана, несмотря на зверские сибирские холода. Теперь преисподняя с ее адским холодом не казалась такой уж страшной. В тулупах можно жить и здесь. А вот еще и валенки! Как в них мягко ноге, словно ее погрузили в вату.

– Клёво! А почему сразу не выдали форменную одежду? – пробухтел Васька. – Бардак! Плохая организация в этом Аиде. А кто виноват? Правильно! Рыба гниет с головы.

Это последнее, что я услышал, поскольку наш полет продолжился, причем без всякого предупреждения. Но если Вергилий всё это знал, мог бы предупредить. Но упрекать его было некогда. В ушах свистело, перехватывало дыхание и лицо обдувала холодная струя.

– Внизу что-то мелькает! – крикнул Васьки. – Смотрите! Какие-то огоньки! Это здорово! Огни большого города! По-

бродим по проспектам, посидим на лавочке в парке!

Это не были огни далекого города, где нас ждала теплая уютная квартира и вкусный ужин. Но стало легче. Всё-таки свет – это жизнь, это надежда, что всё как-нибудь обойдется. Нельзя никогда терять надежды! Иначе всё, то есть ничего! Или почти ничего. Между тем огоньков становилось всё больше. И сами они более яркие.

– Свет в конце туннеля! – завопил я. – Мы спасены! Всё будет хорошо! Даже очень хорошо! Верьте мне друзья. Ибо свет – это не только ученье, но и жизнь, и слезы, и любовь! Сейчас под нашими ногами будет твердь.

– Ага! Бездонного колодца! – подхватил Васька. – Падать всегда легко! А как мы будем выбираться? Ты об этом не подумал? Хотя, чем тебе думать? Нечем тебе думать! Я об этом давно догадывался. И наконец-то убедился! Также, как и Леночка. Так же?

– К чему мы не птицы? К чему не летаем? – неожиданно и звонко запел Васька. – Эх! Ма! Тру-ля-ла! Не женитесь на курсистках! Они тонки, как сосиски! Эх! Топни нога!

Одиссей бросает вызов

Одиссей «многострадальный». При постоянном своём благочестии он попадает в такие ситуации, когда это благочестие нарушается либо им самим, либо его спутниками.

Жестокость и суровость Одиссея отступают на задний план. Характерно противопоставляются древний страшный мир, где царят колдуны, дикий Посейдон с таким же ди-

ким сыном Полифемом, и острая Афина. Ведомый Афиной, Одиссей спасается. Ему помогают олимпийцы, он заставляет себе служить злое чародейство Кирки, отправляясь бесстрашно в Аид с полным сознанием своей будущей судьбы. Недаром боги опасаются, что, если они не вернут домой Одиссея, он «вопреки судьбе» вернётся сам.

3. В первом круге

Перед нашими взорами бескрайняя ледяная пустыня. Всё это замерзшее пространство было заполнено душераздирающими воплями, от которых было не по себе. Я уже был начитан о подобном. А вот мои спутники, за исключением Вергилия, крутили головами. В глазах их был ужас настолько невыразимый, что они и не пытались его выразить. А они что надеялись, что их тут ожидает Диснейленд? Знали же, куда отправляются и что им предстоит увидеть в этом царстве! Я их поспешил успокоить:

– Ничего необычного! Горловое пение! Оно характерно для монголоязычных народов. У нас это буряты и калмыки. А также народы Севера тунгуссо-маньчжурской группы.

– Как это? – удивилась Леночка. – Что это еще за пение? Разве вот это можно назвать пением? У меня мурашки бегут по коже. Хорошие звуковые заставки к фильму ужасов.

– У народов Сибири есть акыны. Или как их там называют? Запомятовал. Они поют свои песни, используя только горло, ну, и то, что ниже его, как музыкальный инструмент. Довольно оригинальные композиции получаются. В чем вы

имеете возможность убедиться. Правда, к этому пению нужно привыкнуть. Потом оно может понравиться. А вот наше пение они воспринимают с трудом. Так уж устроено у них ухо.

Такое впечатление, что из тебя вытягивают жилы. Неторопливо. Вытягивают и наматывают их на кулак. Мда! К подобному пению нужно привыкнуть. Теперь подал голос Васька:

– Это еще приятнее, чем, когда скребут гвоздем по стеклу. Мороз по шкуре! Бррр! Вот заткнул уши, а не помогает. Эти звуки как-то через кожу вползают в твоё тело.

– Под ноги смотрите, друзья! – воскликнул Вергилий. – Будьте осторожными! Не торопитесь!

Леночка уже запнулась и заскользила по льду, раскинув руки, как птица крылья в полете. Она стремительно удалялась от нас по зеркальной глади. Такое фигурное катание!

Васька, ошарашенный, долго глядел на удаляющуюся Леночку, пытаясь понять, что же происходит, потом протянул руку:

– Что это? Блин! Вон туда смотрите! Видите? Как это может быть? Что это и зачем это?

– А ты не видишь? Чья-то голова. И видать по всему, живая, потому что моргает и кривит рот.

Над поверхностью льда торчала голова с черными всклокоченными волосами и жиденькой бородкой. Глаза умоляюще смотрели на нас. Лицо было очень смуглым. Вероятно,

это какой-то семит: араб или бербер. А может быть, здесь очень сильно печет солнце.

– Иуда! – сказал Вергилий. – Величайший грешник всех времен и народов, предавший Сына Божьего на смертные муки. Его преступлению нет и не будет никогда прощения. Ледяные иголки пронизывают всё его тело. И это наказание длится уже две тысячи лет.

Лед был настолько прозрачен, что видна была каждая складка одежды. Даже ногти на ногах. Леночка на коленях подползла к нам и поднялась. И тут она увидела голову и завизжала так, что нашим барабанным перепонкам угрожала серьезная опасность. Васька и я попятились назад, и только Вергилий остался стоять н месте, как ни в чем не бывало. На лице его была написана скука. И его можно было понять. Потому что он постоянно созерцал подобное.

Иуда огляделся по сторонам, видно произведенным шумом мы привлекли его внимание, и хрипло заговорил:

– Вергилий! Выслушай меня! Две тысячи лет продолжают мои нестерпимые муки. Посодействуй, прошу тебя! Я знаю, что ты вхож туда. За давностью лет хотя бы... Клянусь, что я всё осознал и раскаялся. А покаявшимся грешникам должно быть прощение

Вергилий равнодушно отвернулся. Вид его выражал самую непреклонность и проговорил в ледяную пустоту:

– Преступлению твоему нет прощения и никогда не будет. Я не буду слушать твоих просьб.

– Ах так! – завизжала голова, брызгая слюной. – Знай же! Если бы время повернуло вспять, я еще бы раз предал Сына Божьего и предавал бы его бесчисленное количество раз. Это мое предназначение. Знаете ли вы, недоумки, что он сам меня просил о предательстве? Да! Да! Просил! Благодаря мне он стал Богом для миллиардов людей на века. Вот какая мне за это награда! Да будьте вы все прокляты! Придет мое время! Я верю в это. И живые будут поклоняться моему имени.

– Пойдемте, друзья! – воскликнул Вергилий. – Я не могу слушать этого выродка. Кроме отвращения он ничего не может вызвать.

Он протянул руку вперед. Из льда то тут, то там торчали головы до самого горизонта. Явственно слышался шепот, бормотания, ругань и визги. Долина была наполнена ледяными звуками.

– Вы, как хотите, а я дальше не пойду! Ни за что! Вы даже не бросились за мной, когда я катилась!

Леночка топнула, поскользнулась и снова упала. Но на этот раз удержалась на месте.

– Хотя бы выдали коньки, раз привели нас на этот каток. Или какую-нибудь обувь с шипами... К тому же, я ужасно замерзла. В морозилке и то теплее. Уводите нас скорей отсюда!

Я протянул Леночке руку, она поднялась и с благодарностью взглянула на меня. Я был на седьмом небе. Ради этого взгляда я был готов пройти хоть тысячу кругов ада. Де-

лов-то! И тогда она поймет и убедится, кто рядом с ней. Вот кратчайший путь к женскому сердцу!

– Что же, – сказал Вергилий, – и мне не очень приятно созерцать эти рожи величайших предателей, убийц, насильников, хриstopродавцев. Здесь погуляешь час-другой и начинаешь ненавидеть человечество. Как говорится, в семье не без урода. Только почему-то их оказалось очень много. Когда я смотрю на эту ледяную равнину, я теряю веру в человечество.

– А не находите ли вы, мэтр, что слишком много уродов? Этой бескрайней пустыне не видно конца! Сахара отдыхает! Ведь это только один круг ада! Да! Грешников несомненно больше, чем праведников.

Эти мудрые слова, как вы догадались, проницательный читатель, принадлежали мне. Вообще, должен предупредить проницательного читателя, что у меня философический склад ума.

– Нахожу, друзья! Но в мире идет постоянно борьба добра со злом. Она не затухает ни на мгновение. Дьявол – увы! – очень силен. И не всегда, как в голливудских фильмах, силы добра одерживают победу. Сколько уже зло погубило жизней! И еще погубит! Но борьбу с ним нельзя прекращать ни на одно мгновение. Иначе человечество погибнет.

– Вы что решили прочитать нам лекцию, чтобы мы тоже превратились в экспонаты этого ледяного музея? – проворчала Леночка, трясясь всем телом. – Не пора ли в путь?

– Действительно! Чего же это я? Ну, что же, друзья! Поднимемся выше! Идемте! Мы только в начале пути.

– Фу! – облегченно вздохнул Васька. – Наконец-то! Я уж думал, что мы навсегда останемся здесь приобщаться к сону этих уродов. А это не есть хорошо! Мне не нужен такой сон!

– К сонму! – поправил я. – Сонм – это старославянское слово, обозначающее множество.

– Да какая разница! – отмахнулся Васька. – Не придирайся к словам! А то цепляешься как репейник! Возьмемся за руки, друзья, как на новогодней ёлке! Ну, давайте же!

– Но вы же не хотите разлететься в стороны и потерять друг друга! – поддержал его Вергилий.

– Уже взялись! – откликнулся я. – Право, как в детском саду! А мы уже взрослые люди.

У нас за спиной, как будто выросли крылья. Мы взмыли вверх. Да! Впечатление незабываемое!

– Теплеет! – радостно воскликнул Васька. – А еще кто-то утверждал, что чем выше, тем холоднее.

– Можете скинуть тулупы! – крикнул Вергилий. – А то сваритесь в них! Да и полет ускорится!

– И как же мы их снимем, если держимся за руки? – проворковала Леночка. – Что же нам делать?

– Да! Об этом я не подумал, – произнес Вергилий. – Мы уже почти на месте. Мягкая посадка!

То, что он называл местом, лучше бы нам не видеть никогда в своей жизни. Это было что-то вроде лесостепи или

саванны. В общем, лесочки, кустарник, открытые пространства с высокой травой. Симпатичная местность, если бы не душераздирающие вопли и визги, как будто толпу первоклассников завели в зубной кабинет. Всех сразу! Рыскали огромные львы, тигры, пантеры, рыси, леопарды, гиены, шакалы, камышовые коты и масса других неизвестных мне хищников. Они стремительно передвигались с места на место. Морды у них были в крови. Леночка завизжала и закрыла глаза ладошками. Потом глянула через щелку и снова завизжала.

– Тише нельзя! – возмутился Васька. – Точно я здесь оглохну, если до этого меня не сожрут эти твари. Нет! Ну, чего визжать, я не понимаю? Выскажи тихо свой страх и деликатно!

– Не бойтесь, друзья! Они нас не видят. А гоняются они за грешниками, мучителями, насильниками, истязателями, палачами. Те при жизни истязали других, а теперь их истязают.

Они нигде не находили спасения. Звери в несколько прыжков настигали очередную жертву и, запрыгнув на спину, валили наземь, после чего отрывали и пожирали, урча от удовольствия, руки, ноги и внутренности и гнались за очередным бегуном. Кто-то бросался в реку, но и там не находил спасения. Тут же высовывалась гигантская голова крокодила, хватала его. И вот вода уже бурлит кровавыми пузырями. Кто-то подобно обезьяне карабкался на дерево, наивно полагая, что здесь можно спастись. На него прыгала рысь

или орангутанг хватал его длинными лапами и, как лягушку, разрывал на части, отправляя их в свою пасть. Над всей этой кошмарной местностью кружились тучи огромных крикливых птиц. То один, то другой пернатый хищник камнем падали вниз и тут же взмывали в небо, закогтив очередную жертву, которая извивалась и вопила в их когтях. В гнездах птенцы поджидали уже.

– Нельзя ли нас избавить от этого кошмарного зрелища? – строго спросила Леночка, раздувая щеки. – Мы еще несовершеннолетние. И то, что мы видим сейчас, может пагубно отразиться на нашей неокрепшей еще детской психике. А это, сами знаете, чревато разными психическими расстройствами. Вы хотите, чтобы нас отправили в психушку?

– Вообще-то я не приглашал вас сюда, – проговорил Вергилий. – Вы сами добровольно пожелали. . . Я всего лишь проводник. Этим моя роль исчерпывается. Это я к сведению.

– Мэтр, откуда вы так прекрасно знаете русский язык? – поинтересовался я. – Тем более, что в те времена, когда вы жили, еще не сформировалась русская нация. А вы говорите без всякого акцента. И даже не на древнерусском языке, а на современном.

– Мой друг! За те две с лишним тысячи лет пребывания в потустороннем мире у меня было вполне достаточно времени, чтобы выучить не только кучу живых, но и мертвые языки. А в придачу к ним разные науки. Кстати, вполне сносно могу изъясняться даже на эсперанто. Хотя не понимаю, за-

чем нужны искусственные языки.

– Ну, хоть здесь я наконец-то начну спикать на этом противном английском, – пробурчал Васька. – Разумеется, если наше пребывание здесь затянется. Но если честно, то мне что-то не очень сюда хочется. А по правде сказать, совсем не хочется. Пусть я и не выучу кучу разных иностранных языков. Я же не собираюсь в дипломаты.

– Мой юный друг! Не грешите, ведите праведный образ жизни, во всем слушайтесь своих родителей, и вы избегнете сих пагубных мест. Это я вам гарантирую. Аид предназначен для грешников. А там в горних местах Эдем – райский сад.

– А списывание, вранье и подделка оценок в дневнике относятся к тяжким грехам? – спросил обеспокоенный Васька. – Нет! Вы не подумайте чего-нибудь такого!

А то, что он назвал, это был далеко не полный перечень. Но Васька решил не оглашать полный список.

– Что вы? Это детские шалости. Хотя лучше этого не допускать. Но это такие мелочи!

– Фу! Как гора с плеч! Нет! Вы не подумайте, что я имел кого-то конкретно. Это я так!

Васька широко заулыбался и подмигнул нам. И жизнь хороша, и жить хорошо! Даже в Аиде.

Странствия Одиссея и его гибель

Странствиям Одиссея посвящены книги 5-12 «Одиссеи». Он попадает к лото-фагам, затем в страну циклопов. Потеряв здесь шестерых из своих товарищей, Одиссей выкалы-

вает Полифему единственный глаз заострённым колом. Выбираются из пещеры. Уже находясь на своём корабле, Одиссей называет себя ослеплённому великану, и Полифем призывает на него проклятия своего отца бога Посейдона. На острове бога ветров Эола Одиссей получает в подарок от хозяина мех, в котором завязаны противные ветры, чтобы облегчить Одиссею и его спутникам возвращение на родину. Его спутники из любопытства развязывают мех; ветры прибывают флот снова к острову Эола. После нападения на флот Одиссея великанов-людоедов спасается только один корабль Одиссея, пристающий со временем к острову Эя. Ей удаётся превратить в свиней половину спутников Одиссея; та же участь постигла бы и самого Одиссея, если бы Гермес не вооружил его чудодейственным корнем по названию «моли». Одиссей вынуждает Кирку вернуть человеческий облик его пострадавшим товарищам. По совету Кирки Одиссей посещает подземное царство, где от тени умершего прорицателя Тиресия узнаёт об опасностях, ожидающих его по пути на родину и в собственном доме на Итаке. Покинув остров, корабль Одиссея проплывает мимо побережья, где сладкоголосые сирены увлекают своим пением мореплавателей на острые прибрежные скалы. Одиссею удаётся избежать опасности, заткнув своим спутникам уши воском; сам он слышит пение сирен, крепко привязанный к мачте. Корабль Одиссея проходит невредимым между плавающими в море и сталкивающимися скалами и через узкий пролив между

Сциллой и Харибдой; шестиголовое чудовище Сцилла успева-
ет схватить с корабля и сожрать шестерых его спутников.
Новое испытание ожидает Одиссея на острове Тринакия,
где пасутся священные коровы бога Гелиоса. Предупреждён-
ный Тиресием, Одиссей всячески предостерегает товарищей
от покушения на священных животных, но те, воспользо-
вавшись сном Одиссея, убивают несколько коров и поедают
их мясо. В наказание за богохульство Зевс бросает молнию в
вышедший в открытое море корабль Одиссея. отчего гибнут
его спутники, а сам он спасается на обвалившейся мачте,
и после нескольких дней скитаний по морю его прибывает к
острову Огигия. Живущая здесь нимфа Калипсо удержива-
ет у себя Одиссея в течение семи лет, пока боги по настоя-
нию Афины не приказывают ей отпустить пленника на ро-
дину. На искусно сколоченном им самим плоту Одиссей пус-
кается в плавание и через 17 дней уже видит перед собой
сушу, как вдруг Посейдон замечает ненавистного ему героя
и обрушивает бурю на его плот, так что Одиссею прихо-
дится прибегнуть к последнему средству и воспользоваться
волшебным покрывалом, которым его успела снабдить Лев-
кофрея. Вплавь Одиссей достигает берега острова Схерия. С
помощью царевны Навсикаи Одиссей находит путь к дворцу
феакийского царя Алкиноя, где становится участником пи-
ра, на котором сказитель Демодок исполняет песнь о взя-
тии Трои. Одиссей не может скрыть слез и рассказывает
обо всём, что ему пришлось пережить за минувшие годы.

Феаки собирают для Одиссея богатые дары и на быстром корабле доставляют его на родину.

Здесь Одиссей находит сначала приют у верного слуги – пастуха Эвмея. А затем приходит в свой дом и становится свидетелем бесчинств женихов. Одиссею приходится вступить в борьбу с нищим Иром и испытать на себе всяческие издевательства со стороны женихов. Выдав себя в беседе с Пенелопой за критянина, он старается внушить ей уверенность в возвращении супруга. Нянька Эвриклея узнаёт Одиссея, но под страхом наказания хранит тайну. Когда Пенелопа по внушению Афины устраивает для женихов состязание в стрельбе из лука, и никто из них даже не в состоянии натянуть тетиву, Одиссей завладевает луком и стрелами и вместе с Телемахом с помощью Афины убивает всех своих оскорбителей. Одиссей даёт себя узнать. С согласия Зевса Афина устанавливает мир между Одиссем и родственниками убитых женихов.

Во время одной из отлучек Одиссея на Итаку прибывает Телегон, посланный матерью на розыски отца. Между пришельцем и вернувшимся Одиссем происходит сражение.

Прежде чем противники успевают назвать друг друга, Телегон смертельно ранит не узнавшего им отца. После запоздалого опознания Телегон забирает тело Одиссея для погребения на остров к Кирке. По другим версиям, Одиссей мирно умер в Этолии или Эпире. Возможно, что здесь издавна существовал местный культ Одиссея..

4. Голод не тетка, блина не поднесет

– Блин! Нет! Ну, что это за дела! И тут форменный бардак! Куда начальство смотрит?

Клянусь, он так и воскликнул. А это уже что-то. Плоды общения с российскими туристами не могли не дать всходов. Что-то я бред несу! Какие тут туристы, если имеется только вход. Это уже получают эмигранты. Турист приехал, поахал, поохал, пофотографировал и назад в родные пенаты. Потом. Одиссей уж точно никакой не россиянин. Ни с какого бока его к нам не приплетешь. Данте тоже. А про других визитеров в эти места не доводилось слышать. Может быть, они и были, да только назад не вернулись. А поэтому и не оставили никаких воспоминаний о себе. А может, и вернулись да ничего не стали рассказывать о своем путешествии, чтобы их не засунули в дурку.

– Посмотрите, что творится! – возмущился Вергилий, протянув руку. – На профилактику закрылись! Какая может быть профилактика в аду? Совсем оборзели! Еще и табличку повесили! Эй! Есть здесь кто-нибудь? А ну, выходи быстро! Иначе мало не покажется!

Вергилий стал тарабанить в дубовые ворота. Звук был такой глухой, как будто он бил по бетонной стене. Вот тебе и хваленное римское хладнокровие! Нервишки-то пошаливают! Слева, где шла стена, приоткрылась маленькая дверца, из нее выбрался дядька, весь с ног до головы обвешанный

железяками. В одной руке он держал копьё, а в другой щит. Он не был «металлистом». Не тот возраст. Он громко и широко зевнул. Нам стало понятно, что это был охранник, которого оторвали от самой важной работы – крепкого и здорового сна. Обычно это никому не нравится. А уж охранникам тем более! Когда их неожиданно оторвут от главного занятия, они начинают нервничать.

– Чего тарабаним? По башке бы себе потарабанил! – проворчал он, опираясь на копьё, чтобы удерживаться в вертикальном положении. – Читать не умеем! У нас профилактика.

– Это что еще за профилактика? – свирепо прорычал Вергилий. – Вы что здесь нюх потеряли? Берега попутали? Я вам покажу, где раки зимуют! Вы у меня еще увидите небо в алмазах!

Страж широко зевнул: «Аххх!» И громко высморкался. Для этого он зажал пальцем ноздрю и шумно выдохнул, то же самое он проделал с другой ноздрей. После чего ладонью вытер под носом. Поглядел на Вергилия и, признав в нем начальника, пусть и мелкого, с достоинством ответил, покачивая копьем и громохвая доспехами:

– Пару-тройку дней два раза в год наш отдел преисподней закрывается на профилактику. Таков порядок! Ничто не вечно не только под луной, но и под землей. Понимать должны! Котлы начинают течь, ветшают и ломаются мешальные весла. Грязь накапливается. Санобработка необходима. Нешто

мы дикари какие! К нам всякий сброд попадает. И вшивые, и тубики, и паршой покрытые, и с прочими нехорошими хворобами. Постановление Самого имеется. А это вам ни фи-гушки-мигушки всякие!

– Мда! – проговорил Вергилий, после чего почесал у себя под мышкой. – Нового для себя я ничего открыть не соби-рался, само собой. А вот эти молодые люди впервые здесь. И желали бы лицезреть. Что же даром они отправились в это рискованное путешествие? Так сказать, билет оплачен, из-воль всё показать или возвращай денежки!

– А мы тоже ездили как-то в... забыл, как называется... и там музей-усадьба был закрыт на профилактику. Еще наш руководитель сказал, что нам не повезло. Мне-то по барабану эти музеи с усадьбами вместе. Невидаль какая! Зато прокатились туда-сюда! Клёво! Мороженого сожрал десять тонн! – ударился в воспоминания Васька, закатив глаза.

Лицо его сияло. Понимать должны, с кем имеют дело. То-же всякого насмотрелись!

– Ничего мы не хотели лицезреть! – строго проговори-ла Леночка. – Больно надо! Налицезрелись! Ночью приснит-ся такой кошмар, так от разрыва сердца умрешь. Сплошные ужасы! Ладно было бы кино! Знаешь, что там всё понарош-ку. А здесь-то взаправду!

– Друзья мои! Раз мы тут, то должны пройти все девять кругов ада. Иначе не получится. Это вам не экскурсия по зоопарку. Надоело и пошел на выход. Тут такой номер не

пройдет.

– Девять кругов? – возмутился Васька. – Офигеть! Нам вот так и одного хватило! По горло! Во где у меня ваши девять кругов! Сыт и доволен, и премного благодарен, а больше не надо!

Он провел ребром ладони по шее, потом плюнул в сторону. И надулся, как сыч на крупу.

– Всё! Больше никаких кругов Аида! – решительно заявила Леночка и топнула каблучком. – Иначе я обращусь в комитет по правам ребенка! Тогда вам тут всем не поздоровится!

Мне это понравилось. Ее лицо покраснело, волосы разметались по плечам. Она была прекрасна. Я влюбился в нее еще больше. Уже точно по самые уши. А я-то думал, что выше уже просто некуда. Как же я ошибался. Душа человека – потемки. А моя в особенности!

– Я уже накружилась вдоволь! Сыта вашими кругами! Хочу домой! Делать уроки, слушать музыку. Помогать маме изредка мыть посуду. Хотя маме почему-то не нравится, как я это делать.

Она улыбнулась. Наверно, представила, как моет грязные тарелки. Замявшись, она добавила:

– Ну, на счет уроков я пошутила. Ха-ха! Как гласит русская пословица «Ради красного словца не пожалеешь ни матери, ни отца-подлеца», который бросил женщину с малолетней дочуркой на руках, а сам растворился в неизвестном на-

правлении. Мужчины – вообще безответственные существа. Вертопрахи и эгоисты.

– Какая великолепная поговорка! – восхитился Вергилий, на этот раз позволив себе даже улыбку. – Непременно на досуге познакомлюсь с вашим замечательным фольклором. А то у меня никак не доходили руки. Уже несколько поднадоел велеречивый Гомер с его бесконечными сценами кровавых убийств, торжественный Гораций, живший прихлебателем у Мецената и восхвалявший его в своих одах. Хотя нужно отдать им должное, весьма замечательных. Они веками служили образцом для описцев. Я ваша одическая поэзия восемнадцатого века имела образцом именно Горация.

– Что? Уж не собрались ли вы нам читать лекцию по древней литературе? – ужаснулась Леночка. Теперь у нее было уже багровое лицо. – Мы же не студенты филологического факультете, мы обычные российские школьники, которым противопоказано глубокое изучение наук. По крайней мере, вот эти двое точно самые обычные. Вы бы лучше рассказали какой-нибудь миф о любви. Ведь так интересно узнать, какой она, любовь, была в древности. Когда кругом была нетронутая природа.

Сердце мое учащенно забилось. Вот, видишь, как Леночка мечтает о большой любви!

– Кстати, когда вы в первый раз влюбились, любезный Вергилий. Мне кажется, что это была бы очень интересная история, – Леночка не спускала с него глаз. – Пожалуйста!

Это было уже чересчур! Она строила ему глазки, этому старцу, которому больше двух тысяч лет. Действительно, женское сердце – загадка. Вергилий, конечно, выглядел значительно моложе своего возраста, но всё равно... как-то не того... Столько веков за плечами! Нет! Понять женскую натуру невозможно. Даже такому знатоку женской психологии, как я.

– Елена Прекрасная! Позвольте мне вас так называть? Поскольку вы действительно прекрасны! И еще у вас медного цвета волосы, как у той Елены, из-за которой разгорелась война.

Вергилий сделал несколько шагов назад, остановился и, широко улыбаясь, отвесил ей поклон.

– Мерси боку! Вот никогда бы не подумала, что в Аиде встречу настоящего джентльмена!

Леночкино лицо буквально светилось, как энергосберегающая лампочка. Но от этого света на моей душе стало еще темней. Подаваться на такую грубую лесть, это же... Ну. Она же умная и должна понимать, что все эти галантности совершенно не выражают подлинных чувств.

– Дело в том, что мы, римляне, очень влюбчивые натуры. Сама природа располагает к этому. Сказывается и климат Средиземноморья, когда почти триста дней в году над твоей головой безоблачное небо и ты можешь бросаться в ласковые объятия теплых волн моря. Тоже изумительного по своей красоте. Тут и горячая кровь южных народов, и прекрас-

ные ландшафты, которые так умиротворяюще действуют на душу. Окружение красивейших женщин всего мира, прибывающих, чтобы покорить Рим. О! Рим! Мне очень жалко вас, потому что вам не доведется увидеть вечного города.

– А среди них было немало рабынь, которых вы даже за людей не считали, – ехидно заметил я. – И относились к ним порой даже хуже, чем к скотине. А ваши философы еще и оправдывали рабство.

Как теперь будет выворачиваться этот гордый старец? Мы что неучи и невежи и совсем ничего не знаем, что у них там творилось в Риме две тысячи лет назад? Знаем! Еще как знаем! А как они расправились со Спартаксом и рабами, поднявшимися на борьбу за свободу!

– Молодой человек! Это были другие времена. И не нужно ценности вашей эпохи переносить на ту эпоху. Это неисторично. Как жаль, что вам об этом не говорили в школе. История – это наука о постоянных изменениях в жизни людей. Это же не математика.

– Кормить нас здесь будут? – возопил Васька. – Не знаю, как остальные, а я не верблюды и горба у меня, к вашему сведению нет. Поэтому двухнедельным запасом продовольствия я не обладаю. Мне нужно питаться каждый день. И не менее четырех раз.

– Я тоже не отказалась бы от легкого завтрака, – жеманно проговорила Леночка, бросая то и дело кокетливые взгляды на Вергилия. В прочем, он их скорее всего не замечал. – Мне

много не надо. И вообще есть помногу – это так некрасиво и нездорово.

Я был в бешенстве. Если бы у меня сейчас был в руках АКМ (даю расшифровку для непосвященных – автомат Калашникова модернизированный), ну, хотя бы игрушечный, я бы дал очередь поверх головы этого древнего ловеласа. Хотя и Леночка тоже хороша. Ловеласами называют тех, кто пытается отбить девчонок от крутых парней. Я их глубоко презираю. Я не хочу иметь с ними ничего общего. И стихи они пишут плохие.

– Друзья! Я забыл! – воскликнул Вергилий, разведя руки. – Вы же не бесплотные создания. Непременнейшим образом организуем питание. Не знаю только придется ли вам по нраву здешняя кухня.

Он подошел к воротам и постучал. По стуку чувствовалось, что ничего тяжелее авторучки, то есть гусиного пера, он в руке не держал. Слабее стучать могла только Леночка. Ворота растворились и вновь показалась та же мерзкая харя. Я поежился. Где они только находят такие отвратные рожи. Их бы снимать в фильмах про подонков.

– И чего? – рассердился он. – Опять начинаем тарабанить. Я же вам на древнегреческом языке объяснил, что у нас профилактика.

– Друг мой! А нельзя ли организовать легкий такой фуршет для моих и, надеюсь, для твоих друзей тоже? Мы будем тебе очень благодарны. У тебя же добрая душа!

Он что-то недовольно пробурчал, качнул копые, поправил железные латы, а потом сказал:

– Ладно! Сделаю. Спрошу у начальства. А вы – стоять на месте и ничего руками не трогать. Иначе ничего не получите. Здесь вам не там. И чтобы мне без хулиганства!

Ворота снова со скрипом затворились. Нам приходилось лишь рассчитывать на милосердие хозяев. Леночка опустилась на камень. Вергилий продолжал стоять в той же позе.

– Еще кругом кричат о высокой культуре туристического сервиса, – возмутился Васька, надувая щеки. – Какой сервис? Где он тут этот сервис? Нет тут никакого сервиса!

– Сервиса, – поправил я. – Сервис – это набор посуды. Французское слово. А «сервис» к нам пришел из английского языка.

– Да какая разница! Жаловаться надо! И все дела! Ругаться! А вы мя-мя-мя! Вижу, что мне придется брать борозды правления в свои руки, иначе толку не будет. Это точняк!

В этот раз я не стал поправлять Ваську. В конце концов, каждый имеет право на безграмотную речь. Это еще не самое худшее качество. Это и законом не запрещено. А то, что не запрещено, то разрешено. Приходится с этим мириться. Мы живем в самой демократической стране мира, хотя некоторые придерживаются противоположного мнения. Но я его не разделяю. Те, кто придерживается противоположного мнения, ничего не смыслят в демократии. Мне даже не хочется их переубеждать. Тут мои размышления о демократических

ценностях вновь прервал скрип открываемых ворот. Видимо, в последний раз их смазывали несколько веков назад. А потом смазка закончилась. Или просто жадничают. А может быть, съели.

Стражник хмуро оглядел нас. Видно, симпатии мы так у него и не вызвали. И буркнул:

– Идите затылок в затылок, как будто вас на расстрел ведут. Не оглядываться! Шаг влево, шаг вправо считается побегом. Убить не убью, а копьем пригрею. Это дело я люблю.

– А если прыжок в сторону? – сострил Васька. – Он будет считаться за шаг влево или вправо?

И довольный своим остроумием расхохотался. Счастливый человек! С удивлением посмотрел на нас. Как мы не смогли оценить его шутки. И тут же махнул рукой. Что с нас взять, малахольных? Не доросли! До тонкого васькиного юмора.

Зашли на закрытую на профилактику территорию третьего круга Аида. Пахло хлоркой и «Ферри», который, как утверждает реклама, отмывает даже не замечаемую нами грязь. Сейчас реклама стала круче любой сказки. Сказители всех времен и народов отдыхают.

– Мерзость! – прошипела Леночка. – Такого я еще не видала! У меня всякий аппетит пропал!

Леночкино лицо выражало брезгливость. На щечках образовались ямочки. Глазки ее сощурились, уголки губ опустились и такое было выражение лица, как будто ее вот-вот

вырвет. Мне ее стало жалко. Мне хотелось подойти и погладить ее по голове.

Зрелище еще то! Везде лежали котлы, на боку или перевернутые кверху дном, а вокруг копошились черти, чертенки и чертянята. Все визжали. Драили, скоблили, терли. Движения их были резкими и быстрыми. По всему было видно, что такая работа для них не в первой. Пузырились лужи, журчали потоки грязной воды, и нам

приходилось петлять и прыгать. Это было утомительно. А если поскользнешься и ляпнешься в это?

– На руки девушку никто не догадается взять, чтобы она не промочила ножки и не простыла в этом мерзком Аиде! – капризно проговорила Леночка. – Рыцари перевелись!

С вызовом глянула на нас. Васька пропустил ее слова мимо ушей. А я остановился, думая, как это сделать получше.

– Простите, сеньорита! – воскликнул Вергилий. – Отвлечся, честное слово! Нет мне прощения!

И легко, как пушинку, подхватил ее на руки. Леночка радостно взвизгнула. И притихла.

Такое было чувство, что сейчас от ревности меня разорвет, как мыльный пузырь. Пуф! Я сам раньше не догадался сделать этого. Но почему? Если честно признаться, вряд ли эта ноша оказалась мне по силам. Леночка – всё-таки не кукла Барби. Она не была объемной и тяжеловесной. Напротив! Стройная и худая. Сам я не был наделен ни ростом, ни силой мышц. Такая уж у меня конституция. Особенно остро я по-

чувствовал это сейчас, когда древнейший старец нес Леночку на руках. Знал бы, не читал бы книжек, а бросал гантели. Женщины любят сильных! Я же об этом прекрасно знал.

О детях Одиссея

Римляне называли Одиссея Улисом.

Внук Автолика (по одной из версий, Антикля родила его от Сизифа. Славился умом изворотливостью и отвагой. Отец Телемаха. Отец Евриала. Возможно, отец Латина. После возвращения из Трои расправился с женихами (в этом ему помогал Телемах). Был убит Телегоном.

5. В чертовой столовой

Перед нами возвышался невысокий ангар, сооруженный на скорую руку из металлоконструкций и сайдинга цвета запекшийся крови. На фронте была надпись: «Хавалка» и аляповатое изображение закопченного чугунка, из которого торчали два мосла. За такую мазню даже в начальных классах на уроках ИЗО больше двойка не ставят. Или в Аиде нет настоящих художников? Быть такого не может!

– Соответствуем! – торжественно заявил страж. – И дизайн архисовременный! И Фэн-шуй!

Он гордился тем, что технический прогресс докатился даже до Аида несмотря на все козни злопыхателей. Мол, и мы не лаптем щи хлебаем. Так что соответствуем! Леночка побагровела, но взяла себя в руки и заметила довольно вежливо, хотя и не без холодка:

– Да! Только слишком уж креативное название! Дальше некуда! Выбрали что-нибудь попроще! «Прелесть» или «Бон аппетит». Ну, да! Нам же подавай что-нибудь пооригинальней! Мы же особые! Не такие, как все! А, по-моему, это обезьянничанье какое-то!

– По мне хоть как называй! Было бы пожрать что! – бодро выкрикнул Васька. – Главное не название, а содержание. Можете зарубить это на носу. Не на моем, конечно!

Страж услужливо, но без подобострастия распахнул перед ними двери. Они противно скрипнули. Нет! Тут явно целое стадо медведей прошлись им по ушам. Ведь не глухие же они?

– Милости прошу к нашему шалашу! Будьте, как в гостях, а не как дома! Держите себя в рамочке.

Вдоль всего ангара строго, как по линейке, стояли длинные столы, сколоченные из досок, а с двух сторон от них лавки. Такие же длинные и отшлифованные до блеска сидевшими на них. Я уже видел подобное в фильмах про ГУЛАГ, а поэтому не мог удержаться от ехидного замечания, хотя по натуре я очень добродушный (в чем вы уже могли убедиться):

– Уверен, что тут даже добавку баланды дают по многочисленным просьбам посетителей. Вы не находите, что это похоже совсем на другое заведение. Надо было еще назвать рестораном.

У нас тут богатый выбор блюд! – радостно проговорил

страж. – У вас глаза убегут в разные стороны!

Мы прошагали следом за ним через весь ангар, в конце которого находилась кухня, откуда неслись запахи и громкие разговоры. Иначе они просто не услышали бы друг друга.

– Шеф! – крикнул страж. – Тут у нас гости! Накорми их по высшему классу! Я на тебя надеюсь!

За широкой стойкой, отделявшей ангар от кухни, показалось то, что никак нельзя было назвать лицом. Это была рыхлая овальная масса, состоявшая из лоснившихся складчатых щек, среди которых, лишь хорошо приглядевшись, можно было увидеть две черных точки глаз и маленькую розовую пипочку рта. Мясистые красные щеки лежали на плечах. Черные точки уставились на нас, потом пипочка зашевелилась, и оттуда полились булькающие звуки, складывавшиеся в слова.

– Чего желаете! Ассортимент у нас обширнейший! Я бы даже взял на себя смелость сказать, что он у нас непревзойденный.

– Я хотела бы диетического салатика и пирожное, желательное с апельсиновым соком. Можно еще мороженое с клубникой! Да! И полейте обязательно малиновым сиропом!

Леночка очень следила за своей фигурой. Ела она немного, но очень вкусно. От одних ее слов у меня уже потекли слюнки.

– Вынужден огорчить многоуважаемую гостью! – пробулкал шеф-повар. – Но из растительного мы ничего не дер-

жим. Только мясное согласно директиве министерства питания Аида, которое строго контролирует меню. Могу предложить на ваш выбор отбивные, котлеты, фрикадельки, шницели, ростбифы, бифштексы, гуляш, шашлык и множество других мясных блюд из филейных частей, почек, печени, сердца, легких, требушки-с, ножек, ушек, щечек, голени, подмышек, ребрышек, костного мозга, а также просто мозги-с. У нас шикарный ассортимент напитков: «Кровавая Мэри», «Багровый закат», «Кровожадный вампир», «Попей моей кровушки», «Кровь людская – не водица» ... А, впрочем, вот меню-с! Извольте познакомиться! Видите, какое оно объемистое наше меню! Целый фолиантище, глыбища!

6. Домой никак нельзя. Ну, никак!

– Я хочу домой! – твердо заявила Леночка. – Хватит ваших кругов! Это же невыносимо! У меня уже голова закружилась от этих ваших кругов! Настоящее головокружение!

– Увы и ах! – Вергилий развел руками. – Это не в моих силах! Я вам ничем не смогу помочь. И вообще я не уполномочен принимать такие решения. Это не моя компетенция. Я уже говорил вам об этом. Давайте не будем возвращаться к этой теме!

– Кто уполномочен? Назовите это лицо! Тогда мы обратимся к нему и поставим вопрос на ребро.

– Уполномоченный по правам душ. Только он имеет такие полномочия. Но не думаю...

– Извините, мэтр! Мы пока не бесплотные души, – заме-

тил я. – В нас есть еще и телесная субстанция.

Вергилий опять развел руками, показывая свою беспомощность. Кругом простиралась безжизненная каменная пустыня. Даже воздух был лишен жизни. Не звенели комары, не пели птицы. Какая-то безжизненная тишина. Даже воздух застыл.

– Мой папа одно время работал снабженцем. Так вот он говорил, что если хочешь решить какой-нибудь вопрос никогда не обращай к мелким клеркам. От них ты будешь слышать только «Нет», «нельзя», «запрещено», «это не ко мне». Обращайся к самому главному начальнику и вопрос будет решен в течение минуты. Причем положительно.

Закончив тираду, я оглядел своих товарищей. Леночкино лицо мне показалось сердитым.

– Это ты о чем? – спросила Леночка. – При чем тут снабженцы? Кого и чем тут снабжать?

– Нужно обратиться к самому главному начальнику, – сказал я. – Кроме его, никто не решит этот вопрос.

– Это исключено, – грустно проговорил Вергилий. – За две тысячи лет я только один раз был у него на приеме, когда мне нужно было разрешение провести Данте Алигьери по кругам ада. Самого Данте! Слава о нем гремела не только в том мире, но и здесь.

– Вот! – воскликнул я. – Сейчас у вас прекрасная возможность еще раз пообщаться с хозяином этого заведения. Разве можно упускать такую возможность? Второй раз за две ты-

сячи лет!

– Молодой человек! Не забывайте! Кто вы и кто Данте! Дистанция огромного размера.

– Вот я чего-то не пойму! Хотя я самый понятливый в этой компании, где я нахожусь к моему несчастью.

Васька переводил растерянный взгляд то на меня, то на Вергилия. При этом пожимал плечами.

– Всё время вы толкуете о каком-то Данте. Это тот самый, который Пушкина замочил из пистолета? Но при чем здесь он? Мы же не собираемся устраивать тут стрельялки!

– Нет! Это совершенно другой... Кстати, вы будете иметь возможность лицезреть убийцу солнца русской поэзии, когда мы с вами отправимся в четвертый круг Аида. Можете даже плюнуть на его бестолковую преступную голову. Никто вас за это не осудит.

– Леночка возмутилась. Она опять затопала ногами, что означала сильный гнев. Или недовольство.

– Хватит ходить кругами! Я сказала «домой»! И только домой! Больше ничего не хочу слушать! И ни на кого я плевать не собираюсь. Даже на этого гнусного убийцу. Он уже получил по заслугам.

И снова топнула ножкой. Как она хороша, любовь моя! Даже гнев украшал ее, делал прекрасней.

– Сеньорита! Вы же умная! Зачем мы опять возвращаемся к этой теме, которую обсуждать бесполезно, – Вергилий склонил голову. – Здесь не так уж и плохо. Нужно только

привыкнуть.

Я грустно вздохнул. Что же! Сами вписались. Никто нас за руку сюда не тянул. Придется отдуваться.

– Что ж! Где он ваш четвертый круг? Ведите! – проговорил я. – Чего же время терять!

– Вот он уже начинается! Перед вами! Но сначала, друзья, подкрепитесь. Неизвестно, сколько мы здесь пробудем. А вижу после «Хавалки» вы не слишком-то чувствуете себя сытыми.

Вергилий, как фокусник, извлек из-под плаща широкую лепешку. Она смотрелась так ароматно. И запахло! Хорошо запахло! Настоящей едой. Где он только ее взял?

– Она не из костной муки? И не на человеческом ли жиру ее поджарили? – спросила Леночка. – Я, конечно, готова к любым фокусам, но подобного есть не собираюсь.

– Что вы? Пшеничная лепешка! Изготовлена по рецептам римских пекарей. Они знали в этом деле толк.

Он разломил ее на три части и протянул нам. Васька мгновенно проглотил свою долю и теперь жадно глядел на нас. Мне показалось, что он сейчас набросится. Я не стал доедать лепешку, почти половину спрятал в своей курточке. Васька проследил за моим жестом. Это для Леночки, когда она сильно проголодается, а у Вергилия не окажется второй лепешки. Я готов умереть ради нее, хоть какой смертью, даже голодной, но, чтобы она обязательно на прощанье поцеловала мои холодные уста. Хотя если меня не будет, какая польза

от этого Леночке? Кто протянет ей недоеденную лепешку?

– Друзья! Вы слышали такое слово «талион»? – спросил Вергилий. – Хотя наивно спрашивать такое у современных школьников.

– Что это еще за такое? Вечно у вас, Вергилий, какие-то замысловатые слова! Где вы их только берете?

Нахмурился Васька. Но тут же лицо его просветлело. Показывать свое незнание даже при полном незнании – это не его стиль.

– Я-то знаю, конечно, в отличии от этих. Я очень много знаю. Но человек я скромный.

Он высокомерно поглядел на нас. Я поежился. Если он знает, это будет удар по моей репутации.

– Это талия у мужчины. А что у нас сейчас будет этот самый... конкурс красоты? Хотя с кем тут конкурировать? Не с этим же шибздиком, который пудовую гирию не может оторвать от пола?

Слово о Вергилии

ВЕРГИЛИЙ Марон Публий (70—19 до н. э.), римский поэт. Сборник «Буколики, дидактическая поэма «Георгики»; героический эпос «Энеида» (римская параллель античному эпосу). Эпикурейские и идиллические мотивы сочетаются с интересом к политическим проблемам.

Вергилий родился в небогатой семье в год, когда консулами были Гней Помпей Великий и Марк Лициний Красс. Ветка тополя, по традиции посаженная в честь родившегося

ребенка, быстро разрослась и вскоре сравнялась с другими тополями; это предвещало младенцу особое покровительство богов, впоследствии «дерево Вергилия» почиталось как священное. Дружеские связи обеспечили Вергилию доступ в высшие круги римского общества.

В этот период Вергилий был близок к римским поэтам-неотерикам, которые привнесли в латинскую поэзию метрические формы и образный строй древнегреческой лирики. Вергилий не достиг успеха на поприще ораторского искусства: манера держаться не отличалась уверенностью. «Высокого роста, с деревенским лицом», – так описывает Вергилия один из биографов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.